

ОНИАНИ А. Л.

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КЛАССА В КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, существует мнение, что для картвельских языков исторически было характерно противопоставление по грамматической (испр. морфологической) категории класса [1, с. 135—261; 2, с. 118—152; 3, с. 37—39 и др.]. Часть исследователей объявила это предположение доказанным с полной убедительностью и, по сути дела, возвела реконструированную категорию класса в ранг факта (см., например, [3, с. 37]), другая же часть не разделила его и не придала ему вообще серьезного значения. И если гипотеза исторического наличия категории классов некоторое время активно аргументировалась и внедрялась в картвелистику, то противоположные воззрения, которых придерживаются не только представители школы А. Г. Шанидзе, но и вообще большинство видных картвелистов, понятно, остались невысказанными. Это может создать впечатление, будто указанные утверждения являются бесспорными.

Уже поэтому показ того, насколько правомерно и логично указанное предположение, становится актуальной задачей. Особую значимость вопросу придает то, что с грамматическими классами связаны далеко идущие выводы о генетических связях картвельских языков и о важнейших вопросах истории языков Кавказа. При отсутствии закономерных фонемных соответствий реконструкция категорий класса в картвельских языках превращается в один из основных аргументов в пользу их родства с горскими кавказскими языками и рассмотрения всех этих языков как одной языковой семьи [2, с. 118; 3, с. 37].

Более или менее детальное рассмотрение вопроса необходимо еще и потому, что в картвельских языках до сих пор иногда усматривают следы грамматических классов, хотя материал этих языков (в том числе и грузинского, засвидетельствованного в письменных памятниках на протяжении 1500 лет) не дает для этого оснований. Анализ данных, на которые опираются сторонники указанной гипотезы, может дать соответствующее представление как о ней самой, так и о той концепции в целом, органической частью которой она является.

Согласно этой гипотезе, в картвельских языках существовало два грамматических класса: класс «кто» и класс «что», т. е. классы человека и вещей¹. Отмечается, что в этих языках представлены «как окаменелые классные показатели (в составе основы), так и форманты грамматических классов с измененной функцией» [2, с. 119—120]. Приводимые в пользу этого соображения доказательства и связанные с ними вопросы требуют раздельного рассмотрения.

1. О так называемых классных показателях с измененной функцией. Таковыми считаются морфологические единицы, посредством которых, согласно данной гипотезе, в картвельских языках различаются человек и вещь (не-человек).

В связи с этим в первую очередь привлекли внимание суффиксы *-el* и *-ur*, поскольку по нормам современного грузинского языка *-el* соотносится с человеком, а *-ur* — с вещью: *kax-el-i* «кахетинец», *kax-ur-i wino* «кахетинское вино» [1, с. 136—139; 2, с. 120]. Несмотря на это делается вывод: «...назначение суффиксов *-el* и *-ur*, видимо, не заключалось в раз-

¹ В картвельских языках вопрос «кто» относится только к человеку, а «что» ко всему остальному. Таким образом, под «вещью» здесь подразумевается все (живое и неживое), что не является человеком.

личении имен категории к т о и ч т о» [2, с. 120]. Этот вывод обусловлен тем, что в современном литературном грузинском языке и диалектах наблюдаются и исключения, когда *-ur* соотносится не с вещью, а с человеком, а *-el* — с человеком, а с вещью: *sada-ur-i* «откуда родом (о мужчине, женщине)», *baɣdad-el-i ɣwino* «багдадское вино». Принцип реконструкции ясен. Если его последовательно придерживаться, то реконструкция грамматического класса («человек» — «вещь») должна считаться возможной лишь на основе материала, выражающего это противопоставление без исключений. Возможно, с учетом этого связано утверждение, что в картвельских языках в выражении противопоставления человека и вещи наблюдается «полная корреляция».

Исходным при реконструкции классов является положение: в грузинском языке «категории с префиксом *m-*, к а т е г о р и и ч е л о в е к а, — противоположное образование с префиксами *s-*, *d-*, *n-* (без гласных или, чаще, с гласными), образование к а т е г о р и и в е щ и» [1, с. 143]. Следы выражения класса этими префиксами видят в производных (отыменных и отглагольных) словах современных картвельских языков, где «наблюдается система противопоставленных формантов... Одним членом противоположных пар подразумевается имя категории к т о, другим — ч т о в виде полной корреляции» [2, с. 120].

Если «полная корреляция» подразумевает, что одна часть префиксов (например, *m-*) всегда обозначает человека, а другая (*s-*, *d-*, *n-*) — всегда вещь, то их следует считать не классными показателями с измененной функцией (т. е. реинтерпретированными показателями классов), а обычными показателями класса. Но дело именно в том, что существование такой корреляции не подтверждается фактами.

Рассмотрим в отдельности формы, в которых предполагается наличие следов классных показателей:

1. Отыменные имена в грузинском языке. *mɕituri* «красноватый». В этой форме (которую противопоставляют форме *ɕiteli* «красный») начальный *m-* считается «специфическим префиксом, выражающим категорию человека» [1, с. 140]. Но как в древнегрузинском, так и в современном грузинском языке *mɕituri* обозначает не человека с красным лицом, а красноватый цвет разных предметов и существ, не обязательно людей. Это очевидно из примеров: др.-груз. *tetr ars peri misi da ara ɕitel da arca mɕitur* «бел цвет его, а не красен и не красноват», *tmisa...mɕiturisa* «волоса... рыжего», *mɕitur egre ars, witarca okroj* «цвета червонного он, как золотого» [4, с. 310]²; совр. груз. *mɕituri ɕianɕwelebis karawani* «караван рыжих муравьев» [5, V]. Элемент *m-* в слове *mɕituri*, как видим, не имеет ничего общего с выражением класса. То же самое следует сказать и о слове *msoplio* (ср. *msoplioj krebaj* «вселенский собор») [1, с. 140—141].

megwipteli. На основе примеров типа *megwiptelni* «египтяне» *m-* в этом слове был сочтен показателем класса человека [1, с. 143—144]. Однако наряду с формами с суф. *-el* (*megwipt-el-i*) в древнегрузинских памятниках засвидетельствованы и формы с суф. *-ur* (*megwipt-ur-i*), соотносящиеся лишь с названиями вещей: *xorcisatwis megwipt-ur-is-a* «ради плоти египетской», *megwipt-ur-ta niwtagan* «из вещей египетских» [6, с. 8].

Следовательно, формы с преф. *m-* могут обозначать как человека (при наличии суф. *-el*), так и вещь (если представлен суф. *-ur*). Это значит: противопоставление «человек — вещь» выражается здесь суффиксами *-el* и *-ur*, а *m-* отношения к нему не имеет. Единственное известное нам исключение составляет *nawi megwipt-el-i* «ладья египетская» [6, с. 8], но и этот пример подтверждает, что *m-* не является показателем класса человека.

Преф. *m-* не выражает класса человека и в *megreli* «мегрел», которому так же противостоит *megruli* «мегрельский», как форме *megwipteli* — форма *megwipturi* (*-ul* < *-ur* в результате диссимилиации под влиянием предыдущего *r*).

² Древнегрузинский иллюстративный материал, оставленный ниже без указания на источник, почерпнут из словаря И. В. Абуладзе [4].

Из анализа этих форм следует, что *m-* нельзя считать показателем класса и в формах *mgoweli*, *maçqwereli*, *maçabeli*, *margweli* и т. д. Это — фамилии или близкие по значению к ним формы, в которых отражена связь человека с той или иной местностью. И здесь такая связь выражается не преф. *m-*, а суф. *-el* (как и во многих формах без *m-*: *tbil-el-i* «тбилисец», *boln-el-i* «болнисец» и т. д.).

К показателю класса человека возводят начальный *m-* и в словах: *msaxuri* «слуга», *mtawari* «глава, главный», *mdidari* «богатый», *mziuze* «няня», *mrğu* «блудница», *mrçobli*, *marçbiwi* «двойной, парный», *mçig-nobari* «книжник», *moxarçe* «данник, платящий налог», *mogware* «однофамилец», *maspinzeli* «хозяин» и др. [1, с. 147—155].

Большая часть названных слов действительно подразумевает именно человека, но это обусловлено не наличием преф. *m-*, а семантикой этих лексем; только человек (но не вещь) может быть книжником, слугой, однофамильцем, няней, хозяином и т. д. Это подтверждается тем, что часть таких слов, если семантика позволяет, сочетается и с названиями вещей (что признается и в указанном труде): *mdidari kwegana* «богатая страна», *mtawari sakme* «главное дело» [1, с. 181], *mrçoblita začwita* «двойной цепью» и др.

Согласно рассматриваемой гипотезе, «префикс *m-* относится к категории человека, а префикс *s-a* — к категории вещей» в таких формах, как *mercquli* «водонос» — *sarçquli* «сосуд», *mezuere* «таможенник» — *sazuere* «таможня», *metauri* «глава(рь)» — *satauri* «заглавье», *mekatme* «птичник» — *sakatme* — «курытник», *menawe* «лодочник», *mesxware* «овчар», *mokalake* «гражданин», *monadire* «охотник» и др. [1, с. 157—168; 2, с. 120—121]. Однако достаточно вспомнить множество не учитываемых при этом фактов, чтобы неадекватность этого утверждения стала очевидной. Речь идет о хорошо известных случаях, когда формы с начальным *m-* соотносятся не с человеком, а, наоборот, с не-человеком, вещью, формы же с начальным *sa-* — не с вещью, а, наоборот, с человеком: *monadire zayli* «охотничья собака», *mekatme mela* «лисица-куроедка», *metauri çerili* «передовая статья», *mezore prinwelebi* «птицы-стервятники» [5, V]; др.-груз. *mya-miobi* «летучая мышь», *mtredni mebudarni* «голуби гнездящиеся»... [4, с. 228] и вместе с тем: *sakmro* «жених», *sacole* «невеста», *sarçlo*, *sasizo*, *sasidedro*, *sasimamro*, соответственно тот, кто должен стать невестой, зятем, тещей, тестем. Ср. также: *size* «зять», *sidedri* «теща», *simamri* «тесть» и др.

Дело в том, что названные аффиксы в грузинском языке (как в древнем, так и в современном) имеют совершенно иную функцию, чем выражение класса («человек» — «вещь»). Как отмечает А. Г. Шанидзе, конфиксы с элементом *m-* (*me—e*, *me—ur*...) указывают на профессию, а конфиксы с элементом *s-* (*sa—e*, *sa—ur*, *sa—o*...) — на назначение [7, с. 132—135, 8, с. 54].

Поскольку быть представителем профессии, исполнителем регулярных действий может главным образом человек, как это признается и в рассматриваемых трудах (см., например [1, с. 148]), а назначение — это свойство вещи (не-человека), то, естественно, формы с начальным *m-* связаны преимущественно с человеком, а с начальным *s-* — с вещью. Но так как назначение сможет иметь и человек (например, жених, невеста...), а регулярные действия могут быть характерны и для не-человека (например, охота для собаки), то формы с обоими этими элементами могут относиться как к человеку, так и к вещи. Связь этих элементов с классами, таким образом, является лишь кажущейся.

Показателем категории вещи считают и элемент *na-* в формах типа *na-otx-al-i* «четверть», *na-kalak-ar-i* «городище», *na-yuar-ev-i* «оврат» и др. [1, с. 182—185; 2, с. 122—123].

Если анализировать материал в целом, а не избирательно, то станет ясно, что нельзя согласиться и с этим утверждением. Достаточно привести несколько примеров из огромного множества случаев, когда формы с *na-* обозначают именно человека, а не вещь: *nacolari* «бывшая жена», *nakmarewi* «бывший муж», *naşwilewi* «усыновленный», *naqmewi* «бывший

крепостной», *paḡaṡaṡari* «бывший разбойник», *nabiṡwari* «незаконнорожденный», *naṡoṡari* «бывший ученик», *natesawi* «родственник», а также многие другие формы, передающие всевозможные бывшие состояния человека [ср. 1, с. 183].

2. Причастия в грузинском языке. Согласно рассматриваемой точке зрения, корреляция префиксов *m-* — *sa-(na-)* в причастиях такова же, что и в именах, образованных от существительных, *m-* и здесь обозначал категорию человека, а *sa-, na-* — категорию вещи [1, с. 184; 2, с. 123].

Этот вывод делается несмотря на то, что «причастие с префиксом *sa-* в настоящее время используется и в качестве определения человека (*sanaṡreli dṡe* — *sanaṡreli zma* „желанный день“ — „желанный брат“), а причастие с префиксом *m-* выступает и определением имен категории вещи (*mdinare* „река“, *myelware zywa* „волнующееся море“, *mgznebare siṡqwa* „пламенное слово“)» [1, с. 184; см. также 2, с. 123—124].

Вопрос о суффиксах *-el, -ur*, как мы видели выше, был решен с опорой на исключения, а здесь, напротив, исключения не влияют на решение. Методическая непоследовательность очевидна.

По справедливому утверждению А. Г. Шанидзе, префиксы *m-, sa-, na-* в причастиях как современного, так и древнегрузинского языка выражают лишь противопоставление по залогу и времени [7, с. 567 и сл.; 8, с. 137 и сл.]. Возможность иной диахронической квалификации этих префиксов и не возникает. Между тем предполагается, что различение причастием категорий времени и залогов определено основой глагола («идет от основы глагола») [1, с. 184], префиксами же исторически выражалось лишь противопоставление по грамматическому классу [2, с. 122—123]. С данным выводом не согласуется множество противопоставленных форм типа *da-m-ṡer-i* — *da-sa-ṡer-i* — *da-na-ṡer-i* «тот, кто (на)пишет — то, что предстоит (на)писать — то, что написано», где залог (как и время) выражается именно префиксами (которыми эти формы отличаются друг от друга в плане выражения), а основа (абсолютно одинаковая во всех трех случаях) остается здесь неизменной. Повода для иной диахронической интерпретации эти формы, таким образом, не дают.

Сказанное подтверждается множеством форм, где *m-* относится не к человеку, а к вещи, а *sa-, na-*, напротив, не к вещи, а к человеку:

а) *mcenare* «растение», *mḡinwari* «ледник», *mdinare* «река», *mṡwadi* «шашлык», *mṡipe* «спелый», *mṡreli* «острый, режущий», *mṡxunware* «жгучий», *mṡṡekare* «громкий», *mduṡare* «кипящий, кипяток», *mezebari* «ищейка (собака)», *mḡbenari* «вошь»; др.-груз. *terpxani* «лишай», *mntebare* «светящая (свеча)» *mḡepari* «лающая (собака)», *mzowari* «пасущееся (стадо)» и др.;

б) *saṡrpo* «возлюбленный», *gasatṡowari* «девушка на выданье», *saḡwareli* «любовник, любимый», *sanaṡreli* «желанный» («*sanaṡrelman ṡuṡanik... hrkua*» «желанная Шушаник... сказала»), *saṡḡalobeli* «жалкий» («*saṡḡalobel ikmna . . . warsken*» «жалким стал... Варскен»), *saṡurisi* «евпух» и др.;

в) *naṡṡawli* «образованный», *naṡromi* «потрудившийся», *nakeipari* «покутивший», *nabrṡoli* «повоевавший», *nasadilewi* «пообедавший», *nasauṡmewi* «позавтракавший», *naswami* «выпивший, пьяный», *naṡwilewi* «усыновленный», *naṡḡeni* «обиженный», *naṡṡiralewi* «наплаканный», *naṡitxi* «начитанный» и др.

Из этого материала, по-видимому, следует, что префиксы *m-, sa-, na-* не имеют ничего общего с выражением грамматической категории класса и что в этом отношении никакой корреляции по классам, тем более полной, здесь нет. Это значит: употребление данных префиксов не дает основания для реконструкции грамматической категории класса.

В занском и сванском языках, по сути дела, наблюдается та же картина, что и в грузинском. Но во избежание повторений ограничимся лишь показом случаев, когда формы, содержащие предполагаемые показатели класса человека, обозначают (или подразумевают) вещи, а формы с предполагаемыми показателями класса вещи — человека.

3. Причастия и отыменные имена в занском языке. Исконным показателем класса человека считается преф. *m-*, а класса вещи — префиксы *o-*, *no-* [1, с. 186 и сл.]. Из двух последних «первый равняется грузинскому *sa-*, а второй — *na-*» [1, с. 193]. Этому противоречит, однако, множество языковых фактов, известных и автору цитируемой работы:

а) *mapšalia* «соловей» (ср. *pšala* «хмель»), *maluŋia* название птицы (ср. *luŋi* «инжир»). В связи с этими формами дается примечание: «В чанском такое образование уже не является продуктивным, сохранено кое-где в названиях рыб, птиц. . .» [1, с. 191]. Здесь упущено, что рыбы и птицы относятся к классу вещи, а не человека. Ср. также: *mačaminže žoŋori* «кусающаяся собака», *metžŋoni kibri* — разновидность зуба [ср. 1, с. 200] и др.;

б) *oškari žima* «средний брат», *okomonžoni* «девушка на выданье», *oči-loni* «тот, кому следует жениться» [ср. 1, с. 201], *počili* «бывшая жена» [ср. 1, с. 195] и др.

4. Причастия и отыменные имена в сванском языке. Исконным показателем класса человека и здесь считается *m-*, а класса вещи — аффиксы с элементами *l-*, *n-* [1, с. 203 и сл.; 2, с. 126 и сл.]. *l-* занимает место грузинского *s-*; префиксы *m-* и *n-* те же, что и в грузинском [1, с. 203]. Множество ясных примеров и здесь противоречит этому:

а) *tuŋwār* «свеча», *tuŋwe* (*lic*) «кипящая (вода)», *məlc* «дикая утка» (ср. *lic* «вода»), *mēšgi* (*pur*) «дойная (корова)», *məŋqab* (*katal*) «жареная (курица)», *məžab* (*leŋw*) «вареное (мясо)», *məxim* «жир», названия многих растений типа *mə-ləžōl*, *mə-saropōl*;

б) *ləčiže* «женатый», *ləcwile* «замужняя», *ləjexw* «женатый», *ləčāš* «замужняя», *lətor* «образованный», *lərekw* «одетый», *ləsdile* «пообедавший», *ləwaxšme* «поужинавший», *ləčšəri* «жених», *ləjxuri* «невеста», *ləlaŋ* «любовник», *ləcje* «приглашенный» и др.;

в) *nəjexw* «бывшая жена», *načāš* «бывший муж», *nator* «образованный», *nakām* «посторонний», *nalgen* «переночевавший», *nəjrxniŋ* «бывший товарищ», *namčurla* «глубокий старик» и др.

Наличие следов классных показателей предполагают также в аффиксах масдаров, падежей, чисел и лиц.

5. М а с д а р ы. Следы выражения категории класса ищут и в масдарах [1, с. 212 и сл.; 2, с. 125—127], несмотря на то, что здесь отсутствует какая-либо основа для выделения двух рядов показателей, один из которых мог бы соотноситься с классом человека, а другой — с классом вещи. Как отмечено в отношении грузинского языка, «корреляция здесь дефектна, не хватает варианта *m-*» [2, с. 125]. Но можно ли говорить о какой-либо корреляции (хотя бы дефектной), если имеется лишь один член «противопоставления»? Уже отсюда ясно, что аффиксы масдара не создают никакой корреляции, которая сводилась бы к противопоставлению классов. Такая же картина не только в грузинском и занском, но и в сванском языке, где масдар образуется двумя аффиксами (*li-* и *ma-*), одинаково нейтральными в отношении классов (*lilaŋ*, *malaŋ* «любовь») [ср. 2, с. 128]. Таким образом, в масдаре нет и того минимума, который был положен в основу реконструкции классов в рассмотренных выше случаях.

6. П о к а з а т е л и п а д е ж е й, л и ц и ч и с л. Ряд падежных окончаний (показатели дательного, родительного, творительного и обстоятельного падежей), а также все суффиксы картвельских языков с элементами *d*, *n* и *t* (<**d*) представлялись восходящими к показателям классов [2, с. 150; 3, с. 38; 9, с. 67 и сл.].

Поскольку большая часть падежных показателей, а также суффикс множественности в глаголе (груз. *-t* — зан. *-t* — сван. *-d* ~ *-šd*) без сомнения реконструируются для общекартвельского состояния [10; 11, с. 196 и сл.], постольку эти суффиксы, сохранившие свои функции до сегодняшнего дня, не имеют ничего общего с выражением категории клас-

са не только в отдельных картвельских языках, но и в их праязыке³. Следует отметить и другие важные обстоятельства:

а) грузинские показатели род. и дат. падежей *-is* и *-s* были сочтены восходящими к одному общему источнику — классному показателю *s* [2, с. 150]. Но эти элементы имеют в картвельских языках разные фонетические соответствия. Поэтому совершенно очевидно, что они восходят к двум разным аффиксам: род. п. груз. *-is* — зан. *-iš* — сван. *-iš* (<общекартв. **-is₁*); дат. п. груз. *-s* — зан. *-s* — сван. *-s* (<общекартв. **-s*) [12, с. 103, 160; 13, с. 24 и сл.];

б) реинтерпретированным показателем класса вещей был признан не только конечный элемент *-d* соответствующих грузинских суффиксов, но и *-t* (предполагался процесс $t < d$). Причиной изменения $-d > t$ в грузинском языке считается оглушение звонких в абсолютном конце слова [9, с. 74—75]. Но тогда такое изменение в указанной позиции должно было осуществиться везде. На деле же в древнегрузинском языке в одних случаях (в показателях обстоятельств. падежа, 3-го лица глагола и мн. числа этого лица) представлен, как правило, *-d*, а в других случаях (в показателях твор. падежа, мн. числа имен и глаголов) — только *-t*. Главное состоит в том, что именно такое распределение этих элементов имело место еще до зарождения тенденции оглушения звонких в конце слова (такая тенденция, как известно, стала наблюдаться в более поздний период развития древнегрузинского языка) [см. 11, с. 196—200]. Это значит: нельзя выводить суффиксы *-d* и *-t* из одного источника и связывать с ними одну и ту же морфологическую функцию.

Как видим, в рассмотренном материале не обнаруживается какой-либо системы противопоставленных формантов и, тем более, «полной корреляции» по категории класса. Материал показывает как раз обратное. Сравним две группы лексем: 1) *mxaṭwari* «художник», *sacole* «невеста», *naṭoṣapari* «бывший ученик» и 2) *mḡepari* «лающий, пес», *saṣoḡe* «ткань для чохи», *naḡalakari* «городище». Слова первой группы обозначают только людей, а второй — только вещи. И это несмотря на то, что они полностью совпадают по аффиксам, с помощью которых будто образуется «полная корреляция» по классам (ср. *m-xaṭw-ar-i* — *m-ḡep-ar-i*, *sa-col-e* — *na-ṭoṣap-ar-i* — *na-kalak-ar-i*).

В картвельских языках нет, таким образом, того самого главного, на основе чего можно было бы реконструировать грамматическую категорию класса. Естественно, реконструкция, построенная таким образом, неприемлема. Положение не меняется и с учетом данных сванских аффиксов, выражающих «происхождение» человека и не-человека. Ничто не говорит о том, что здесь мы имеем дело со следами выражения грамматического класса. Диахроническое отношение их к этой категории такое же, что и у функционально совпадающих с ними грузинских суффиксов *-el*, *-ur*.

Здесь, естественно, возникает вопрос: какой же могла быть на общекартвельском хронологическом уровне функция тех аффиксов, которые иногда возводят к показателям классов?

Подробное освещение этого вопроса здесь, разумеется, невозможно. Однако если удастся показать, что аффиксы, соответствующие друг другу фонетически, обладают одной и той же функцией во всех картвельских языках, то тем самым будут выявлены и наиболее вероятные функции их архетипов на общекартвельской ступени.

Как известно, груз. *m* — зан. *m* — сван. *m* (<общекартв. **m*) и груз. *e* — зан. *a* — сван. *e* (<общекартв. **e*) являются закономерными звуко-соответствиями [14, с. 140 и сл.]. Что же касается аффиксов, содержащих производимый к показателю класса *m*-, то они в картвельских языках встречаются в виде нескольких разных аффиксов с разными функциями. При этом, что особенно важно, функции фонетически соответствующих друг другу аффиксов полностью совпадают:

1) *me—ur*, *me—e* образуют имена, указывающие на профессию как

³ Говоря об общекартвельском праязыке, мы имеем в виду последнюю ступень его развития.

в древнем, так и в современном грузинском языке: *me-bad-ur-i*, «рыбак», *me-baγ-e* «садовник» [7, с. 135; 8, с. 54]. В такой же функции употребляют их закономерные фонетические соответствия: зан. *ma—ur* (*ma—kiṣṣ-ur-i* «поздравитель») и сван. *mə—ar* (*mə—xm—ḍr-i* «свинопас»);

2) причастия действительного залога в грузинском языке образуются посредством аффиксов *m—*, *m—el*, *ma—el* [7, с. 570—572; 8, с. 137], в занском — *ma—al*, *mo—u* [15, с. 094], а в сванском — *mə—*, *me—*, *mo—*, *ma—* [16, с. 213—215]. Между этими аффиксами можно установить не только функциональное, но и фонетическое соответствие;

3) конфикс *me—e*, начальный *m—* которого тоже возводят к показателю класса [1, с. 180—181], в грузинском языке (как в древнем, так и в современном) образует порядковые числительные: *sami—me-sam-e* «три — третий». С точно такой же функцией выступают его закономерные фонетические соответствия: зан. *ma—a* (*sumi—ma-sum-a* «три — третий») и сван. *me—e* (*semi—me-sm-e* «три — третий»).

Приведенные данные дают основание для реконструкции на общекартвельской ступени трех разных аффиксов, содержащих *m—*, с тремя разными функциями [см. 12, с. 123, 131], не имеющими отношения к выражению класса.

Известны звуковые соответствия: груз. *a* — зан. *o* — сван. *a* и груз. *s* — зан. *θ* — сван. *l* (в начале основы) [13, с. 33—35]. Груз. *sa—* — зан. *o—* — сван. *la—*, следовательно, фонетически закономерно соответствуют друг другу. В картвельских языках морфологические единицы с этими элементами встречаются в виде двух разных аффиксов с разными функциями: 1) выражение назначения в именах; 2) образование причастия будущего времени страдательного залога [1, с. 193—198; 7, с. 132—133, 573—576; 8, с. 54, 138; 15, с. 095; 16, с. 215—218]. Поскольку функциональные соответствия являются и фонетическими соответствиями, постольку реконструкция их архетипов на общекартвельском уровне с этими же функциями вполне естественна [12, с. 168].

Закономерные фонетические соответствия выявляют и аффиксы: груз. *na—* — зан. *no—* — сван. *na—*. Функции их (или конфиксов, в которые они входят) одинаковы во всех картвельских языках. Выделяются две разновидности таких аффиксов с двумя разными функциями: 1) отражение пройденного состояния, 2) образование причастия прошедшего времени страдательного залога [1, с. 193—196; 7, с. 133—134, 575—576; 8, с. 139—140; 15, с. 095; 16, с. 221—223]. Те же функции должны были иметь эти аффиксы в прошлом во всех картвельских языках, как и их архетипы на общекартвельском уровне.

Общезвестно, что архетипы фонетически и семантически соответствующих друг другу единиц реконструируются в праязыке с теми же значениями, которые они имеют в родственных языках. Ни у кого не возникало сомнения, например, в том, что архетип слов груз. *datwi* — зан. *tunti* — сван. *däṣḍw*, обозначающих во всех трех языках медведя, в праязыке имел то же значение. Бесспорно и то, что праформа фонетически соответствующих суффиксов груз. *-is* — зан. *-iṣ* — сван. *-iṣ*, выражающих во всех картвельских языках род. падеж, и в праязыке имела эту же самую морфологическую функцию [12, с. 103; 13, с. 28—29]. Ясно, что и аффиксы с элементами *m—*, *s—*, *n—*, которые в картвельских языках фонетически соответствуют друг другу и обладают одинаковой функцией, не имеющей отношения к классам, с этой же функцией должны реконструироваться и на уровне общекартвельской общности.

II. О так называемых «окаменелых» показателях класса в картвельских языках. Как отмечено выше, в основах отдельных слов усматривают окаменелые показатели класса [1, с. 169—179; 2, с. 129—133]. Ряд слов, казалось бы, дает основание для выделения префиксального элемента, так как в их начале нет ожидаемого звукосоответствия (ср., например, груз. *sasxiw* — чан. *disxi* «липа»). Но происхождение начального *d* в аналогичных чанских формах убедительно объяснил Т. Е. Гудава: *d* < *₃, *₅ в результате регрессивной диссимилятивной дезаффрикатизации под влиянием глухой аффрикаты

основы [17]. Тем самым восстанавливается закономерное звукосоответствие (груз. *saxi* < **zaxi* — чан. *disxi* < **zoxi*), а выделение в таких словах *d*- как префикса становится невозможным.

В других случаях *d*- как префикс выделяется даже без такого кажущегося основания морфологической разложимости слов. К ним относятся, например, груз. *datwi*, зан. *tuti*, *tunti*, сван. *dāšdw* «медведь», груз. *ttue*, зан. *tuta*, сван. *došdul* «месяц, луна»; груз. *zayli*, зан. *žoyori*, сван. *žey* «собака» [1, с. 174—177; 2, с. 129—130]. Ни данные отдельных картвельских языков, ни сравнение этих данных не позволяют выделить в таких формах префиксальные элементы. Все элементы сравниваемых основ представлены закономерными звуковыми соответствиями, и, что важнее всего, не встречаются друг без друга. Поэтому не только такие основы, засвидетельствованные в картвельских языках, но и их общекартвельские архетипы не могут считаться морфологически разложимыми единицами.

Есть препятствия и иного рода. В связи с основой со значением «собака» следует сказать следующее: а) общекартвельским архетипом начальных звуков, создающих соответствие $з — \check{з} — \check{ж}$ (< * $\check{з}$), является не **d*, а другой звук. Общекартвельский **d* во всех картвельских языках дает *d*, а не приведенное выше соответствие (ср. груз. *dye* — зан. *dya* — сван. *ladey* «день») [13, с. 19—23]. Соответствие же $з — \check{з} — \check{ж}$ (< * $\check{з}$) дает только звук, который обозначается как * $\check{з}_1$ [13, с. 28—31]; (< * $\check{з}$) если считать, что основы слов со значениями «медведь», «месяц (луна)», с одной стороны, и «собака», с другой, начинались одним и тем же согласным *d*, то нельзя будет объяснить, почему один и тот же звук в одной и той же позиции в одном случае во всех картвельских языках дает *d*, а в другом случае — соответствие $з — \check{з} — \check{ж}$; в) если в основе со значением «собака» был выделен префиксальный элемент, возводимый к показателю класса вещей, то таким же образом, следовало выделить аналогичный элемент и в основе со значением «брат», ибо и здесь мы имеем то же самое соответствие (груз. *zta* — зан. *žima* — сван. *žəmil*). Трудно избавиться от впечатления, что логическая последовательность здесь оказалась нарушенной потому, что выделенный *d*- в этом слове уже следовало бы отнести к показателю класса человека, а не вещи.

Можно заключить, что в картвельских языках не было найдено ни одного бесспорного свидетельства былого выражения грамматической категории класса. Языковой материал не дает возможности реконструировать эту категорию не только в отдельных картвельских языках, но и в общекартвельском праязыке.

Возникает вопрос: какие методические просчеты привели к таким неприемлемым представлениям? Можно указать на некоторые из них.

1) Известно, что фундаментом сравнительно-исторического языкознания является установление системы регулярных фонемных соответствий. С опорой на звукосоответствия решаются в нем все существенные вопросы истории любого элемента языковой структуры. Реконструкция же категории класса в картвельских языках проводилась без предварительного установления звукосоответствий между предполагаемыми показателями классов. Реконструированная категория грамматического класса была выдвинута в качестве одного из основных аргументов родства картвельских языков с горскими кавказскими языками также без установления звукосоответствий. Обойдено и второе важное требование сравнительно-исторической лингвистики — установление релятивной хронологии диахронических изменений. В результате этого не были даны лингвистически аргументированные ответы на важнейшие вопросы: сосуществовали ли на какой-либо хронологической ступени в картвельских языках (или в их праязыке) категории класса и падежа? Если сосуществовали, то до какой ступени? Если же нет, то на какой ступени исчезли классы и на какой появились падежи? Сложнейшие вопросы лингвистической реконструкции решались, таким образом, без соблюдения основных принципов сравнительно-исторического языкознания, определяющих строгость и достоверность лингвистических выводов.

2) Часто к одному и тому же источнику возводятся элементы, счи-

тающиеся префиксами и суффиксами, например, начальный *d* в груз. *datwi*, чан. *disxi* и конечные *d* или *t* (возводимый к **d*) в таких формах, как груз. *kasad* «человеком», *uɟert* «пишем» [9, с. 72—76], а также начальные и конечные *s* грузинских форм *sisxli* «кровь», *saxre* «палка» и *kasis* «человека», *aɟetes* «делали» [2, с. 150; 9, с. 76].

Такие связи устанавливались без должной аргументации. Картвельские языки, как известно, характеризуются строго определенным порядком следования морфем, в них отсутствуют бесспорные случаи превращения префикса в суффикс и наоборот. Ясно, что рассмотрение вопроса требует от исследователя гораздо большей осторожности.

3) Аффиксы, состоящие из гласного и согласного, расчленялись на две части с целью выделения показателей классов. Так, показатели падежей *-is*, *-ad-*, *-it* представлялись составленными из двух аффиксов с разными функциями (*-i-s*, *-i-t*, *-a-d*). В других случаях считалось возможным расчленение аффиксов без выявления функций выделенных частей: «... в вариантах с гласными (*me-*, *mo-*) формантом класса человека, видимо, является только префикс *me-*, функции гласных *-e-*, *-o-* следует выяснять» [1, с. 169]. Указанные *me-*, *mo-* в большинстве случаев являются элементами конфиксов (*me — e*, *me — ur*, *mo — e*, *mo — o*). Конфиксы же, обладающие в картвельских языках одной, неделимой функцией, тоже без какой-либо аргументации объявлялись двумя формантами (префиксом и суффиксом) [2, с. 121]. Считалось, следовательно, возможным диахроническое слияние двух или трех аффиксов с разными функциями (даже префикса и суффикса) в одну морфологическую единицу, с одной неделимой функцией. Однако в картвельских языках не известно ни одного очевидного примера такого слияния аффиксов. К тому же большая часть названных аффиксов реконструируется на общекартвельской ступени с одной функцией. Так, реконструируются, например, показатель род. падежа **-is₁* [12, с. 103; 13, с. 28—29] и конфикс порядковых числительных **me — e* (груз. *me — e*, зан. *ta — a*, сван. *me — e*) [12, с. 131]. Это значит: дальнейшее морфологическое разложение этих аффиксов невозможно не только в отдельных картвельских языках, но и на уровне общекартвельской общности.

4) Вопрос выражения категории класса в разных случаях решался с нарушением избранного критерия: суффиксы *-el*, *-ur*, как отмечено выше, не были возведены к показателям классов из-за исключений, имеющих место в выражении ими противопоставления «человек — не-человек» [1, с. 136—139; 2, с. 120]. Аффиксы причастий были возведены к показателям классов, несмотря на констатацию таких исключений [1, с. 184; 2, с. 123—124]. В масдарах же классные показатели были выделены, несмотря на признание полного отсутствия противопоставления по этой категории [1, с. 219 и сл.; 2, с. 125—127].

5) Логика построения доказательств в пользу рассматриваемой гипотезы и связанные с ней квалификации языковых фактов являются спорными и в других случаях. Например, если в современном (или древнем) грузинском языке выражение противопоставления человека и вещи действительно характеризуется «полной» корреляцией, то тогда аффиксы, образующие эту корреляцию, должны считаться обычными, действующими показателями классов, а не классными показателями с измененной функцией. Но этот логически напрашивающийся вывод не был сделан. Не был сделан, по всей вероятности, потому, что он пришел бы в явное противоречие с другим, совершенно справедливым, положением: «ни для современного, ни для древнего грузинского языка, ни для занского и сванского языков различение грамматических классов не характерно» [2, с. 118].

6) Для реконструкции грамматического класса щедро привлекаются факты, которые с позиций гипотезы классов могут подкрепить предположение об историческом существовании в картвельских языках данной категории, без внимания не остаются даже малоизвестные формы (такие, например, как *mšuale*, *mremli*, *sisraf*, *naxutali* и др.). В то же время не упоминается, за некоторыми исключениями, огромное множество общеизвестных фактов, противоречащих такой реконструкции (см. выше).

Чем же были обусловлены такие неожиданные методические противоречия? По-видимому, явным желанием доказать родство картвельских языков с горскими кавказскими языками. Иначе трудно объяснить тот факт, что реконструкция грамматического класса, ставшего одним из основных аргументов в пользу родства двух групп языков, проводилась с учетом и опорой на данные опять-таки горских кавказских языков.

Человек и не-человек в грузинском языке различаются лишь суффиксами *el*, *-ur*, но именно они не были возведены к показателям классов. Почему? Видимо, потому, что в горских кавказских языках древнейшими показателями класса считаются префиксы, а не суффиксы [ср. 1, с. 260].

В одной группе слов тождественной структуры были выделены «окаменелые» классные показатели, в другой же группе они не выделялись. Сравнение таких форм, как *datwi — tunti — dāšdw* «медведь», *tue — tuta — došdul* «месяц, луна», как было показано выше, стало основой для выделения классного показателя *d*-. Однако сравнение аналогичного строения форм: груз. *kači* «человек» — зан. *koči* «человек» — сван. *čāš* «муж» или др.-груз. *čuiili* — зан. *čičiki*, *čički* — сван. *mēšgwe* «мягкий» не легло в основу выделения *k*- и *č*- в качестве «окаменелых» классных показателей.

Чем же обусловлена такая разная интерпретация сходных форм, не вытекающая из картвельских данных? Безусловно, опорой на все те же горские кавказские языки, а именно, на то, что «*d* как один из формантов класса вещи широко распространен в языках нахской группы и в большинстве дагестанских языков» [9, с. 75], чего нельзя сказать о *k* и *č*.

Таким образом, реконструкция показателей класса в картвельских языках основывалась и на фактах горских кавказских языков. Реконструируемая же этим путем категория класса превращается в одно из основных доказательств родства картвельских языков с теми же горскими кавказскими языками. Круг в доказательстве, как видим, замкнулся. Если исходить из критериев сравнительно-исторического языкознания, то родство картвельских языков с горскими кавказскими языками нельзя считать доказанным [см. 18, 19]. Выяснение их генетического взаимоотношения — задача чрезвычайной важности, нуждающаяся в решении в соответствии со строгими требованиями современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.).
2. Чикобава А. С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
3. Рогава Г. В. Основные вопросы сравнительно-исторического изучения фонетики картвельских языков. — ИКЯ, 1953, IV (на груз. яз.).
4. Абуладзе И. В. Словарь древнегрузинского языка. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
5. Толковый словарь грузинского языка. Т. I—VIII. Под общ. ред. Чикобава А. С. Тбилиси, 1950—1964.
6. Сарджвеладзе З. А. Мровели или Мрувели. Мравалтави. — Историко-филологические разыскания. II. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
7. Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
8. Шанидзе А. Г. Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
9. Чикобава А. С. К генезису суффиксов множественности в грузинском языке. — ИКЯ, 1954, VI (на груз. яз.).
10. Климов Г. А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962, с. 146.
11. Ониани А. Л. Вопросы исторической морфологии картвельских языков. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
12. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
13. Мачавариани Г. И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
14. Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
15. Кипишидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914.
16. Топурия В. Т. Труды. Т. I. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
17. Гудая Т. Е. Об одном случае регрессивной деаффрикатизации в занском (мегрело-чанском) языке. — Сообщения АН ГССР, 1964, XXXIII, 2. (на груз. яз.).
18. Гамкрелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. (I). — ВЯ, 1971, № 2, с. 28—29.
19. Серебрянников Б. А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. Проблема родства. М., 1982.